

Саидов Абдулкерим Магомедович

ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе анализируются специфические особенности согласования сказуемого с подлежащим в кумыкском языке, которые вызывают определенные трудности в выборе форм лица и числа сказуемого в устной и письменной речи. Автор на основе примеров из художественных произведений, фольклора и наблюдений над фактами разговорной речи освещает все случаи согласования сказуемого с подлежащим, уточняет возможные вариации их параллельного использования, обращая основное внимание на семантический аспект.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 167-170. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

к авторитету, создания определенного настроя (патриотического, юмористического). На основании ряда формальных критериев – объема включенного элемента прецедентного текста, указания на один или несколько формальных признаков, отсылающих к источнику, а также маркированности интертекстуальных включений – возможно выделить несколько групп интертекстуальных элементов англоязычного политического дискурса, относящихся к типичным проявлениям интертекстуальности: прямые цитаты; косвенная речь; пересказ диалогической речи; аппликации; текстовые аллюзии; аллюзивные имена и названия. Представляется, что данное наблюдение может значительно облегчить сбор материала для практического исследования проблем интертекстуальности и стать основой для дальнейших выводов и расширения предложенной типологии.

Список литературы

1. **Левенкова Е. Р.** Интертекст как лингвокультурный маркер в политическом дискурсе Великобритании и США // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2008. № 2. С. 261-270.
2. **Москвин В. П.** Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 168 с.
3. **Рыбачук К. Ю.** Интертекстуальные включения в публичных выступлениях Хиллари Клинтон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 164-166.
4. **Саблина М. В.** Классификация цитат в аспекте категории системности (на материале текстов современных российских газет) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25): в 2-х частях. Ч. 2. С. 58-60.
5. **Спиридовский О. В.** Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 161-169.
6. **David Cameron's departing words as Prime Minister** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/david-camersons-departing-words-as-prime-minister> (дата обращения: 11.08.2016).
7. **Read the Full Transcript of Donald Trump's 'Second Amendment' Speech** [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/4445813/donald-trump-second-amendment-speech/> (дата обращения: 12.08.2016).
8. **Remarks by the President at the New Economic School graduation** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-new-economic-school-graduation> (дата обращения: 06.09.2016).
9. **Remarks by the President at the White House Correspondents' Dinner** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/05/01/remarks-president-white-house-correspondents-dinner> (дата обращения: 21.05.2016).

**TYPOLOGY OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS
IN MODERN POLITICAL DISCOURSE OF GREAT BRITAIN AND THE USA**

Rybachuk Kseniya Yur'evna
St. Petersburg University
k-beleetskaya@inbox.ru

The article presents a typology of intertextual inclusions in public addresses of contemporary politicians of the USA and Great Britain (the beginning of the XXI century). On the basis of some formal criteria (scope of borrowing, graphic markedness, degree of explicitness) the following types of intertextual inclusions are singled out: direct quotation, indirect speech, retelling of dialogical speech, application, textual allusions, allusive names and denotations. The paper explains the conditionality of singling out certain groups on the basis of the research material analysis.

Key words and phrases: intertextuality; intertextual inclusion; public address; direct quotation; indirect speech; retelling; application; allusion; allusive names and denotations.

УДК 811.512.144

В работе анализируются специфические особенности согласования сказуемого с подлежащим в кумыкском языке, которые вызывают определенные трудности в выборе форм лица и числа сказуемого в устной и письменной речи. Автор на основе примеров из художественных произведений, фольклора и наблюдений над фактами разговорной речи освещает все случаи согласования сказуемого с подлежащим, уточняет возможные вариации их параллельного использования, обращая основное внимание на семантический аспект.

Ключевые слова и фразы: кумыкский язык; сказуемое; подлежащее; предикативное словосочетание; согласование; число; лицо.

Саидов Абдулкерим Магомедович, к. пед. н., доцент
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук
abdul_1950@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Впервые в кумыкском языкознании вопрос согласования сказуемого с подлежащим рассматривался Н. К. Дмитриевым в его классическом труде «Грамматика кумыкского языка» [8]. В указанном труде освещаются некоторые особенности согласования главных членов предложения.

Из современных исследователей кумыкского языка на данную проблему обращали внимание И. А. Керимов [11], Ж. М. Хангишиев [14], Н. Э. Гаджихамедов [5], однако вопрос до сих пор остается недостаточно изученным.

Согласование между главными членами предложения в кумыкском языке происходит только в лице и числе, согласование в роде отсутствует ввиду отсутствия грамматической категории рода: *О гелди* «Он пришел» // «Она пришла». В некоторых случаях согласование в числе не только необязательно (*Къонакъ олтурду* «Гость сел» и *Къонакълар олтурду* // *олтурдулар* букв. «Гости сел» // «сели»), но и невозможно: *Янгулар башланды* букв. «Дожди начался» // «начались».

Согласование в лице

Согласование в лице как способ связи слов характерно в основном для глагольных предикативных словосочетаний, реже – именных, которые представляют собой двусоставное предложение. Под согласованием «объединяются по крайней мере два разных способа связи. Собственно согласование фактически происходит лишь в одном лице – в третьем лице единственного и множественного числа» [12, с. 128]. Например: *Ол айтды* «Он сказал»; *Олар айтдылар* «Они сказали» – согласование в нулевой форме.

В других формах лиц «согласование сказуемого с подлежащим в кумыкском языке отличается от согласования в русском языке: оно в большей степени является управлением, при котором форма подчиненного слова зависит от лица главного, а иногда и нет» [13, с. 84]: *Мен гелдим* «я пришел»; *Сен гелдинг* «ты пришел»; *Биз гелдик* «Мы пришли»; *Сиз гелдигиз* «Вы пришли». В данных предикативных словосочетаниях форма лица глагола гел- «идти» полностью зависит от семантики личного местоимения, которое является главным словом и выражает соответствующее лицо (первое или второе) и число (единственное или множественное), т.е. согласование между главными членами условно-управляемое – «управляемое согласование».

Согласование в первом лице: единственное число: *Мен гичи заманда аювланы гёргенмен* [1, с. 8]. / «Я в детстве видел медведей» (*Здесь и далее перевод автора статьи – А. С.*); сказуемое *гёргенмен* «видел» при подлежащем, выражающем личным местоимением первого лица единственного числа *мен* «я», оформлено аффиксом первого лица единственного числа *-мен*: *мен* // *-мен*; *Абдулмуслим агъавну акъсакълыгъын мен гъали эледим* [Там же, с. 22]. / «Я только сейчас заметил хромоту дяди Абдулмуслима»; главные члены *мен эледим* «я заметил» согласуются в лице и числе: *мен* // *-м*; множественное число: *Биз чыкъгъанбыз Сапарали къотангъа* [10, с. 17]. / «Мы вышли в Кутан Сапарали»; сказуемое *чыкъгъанбыз* «вышли» принимает аффикс первого лица *-быз* и согласуется с подлежащим – личным местоимением первого лица множественного числа *биз* «мы»: *биз* // *-быз*.

Согласование во втором лице происходит аналогично. Единственное число: *Сен командировкадан къачан къайтдын?* [9, с. 76]. / «Когда ты вернулся из командировки?»; сказуемое *къайтдын* «вернулся» принимает аффикс второго лица единственного числа *-нг* при подлежащем *сен* «ты»: *сен* // *-нг*; *Сен билемисен олагъа не болгъанны?* [Там же, с. 231]. / «Ты знаешь, что с ними случилось?»; главные члены *сен билемисен* «ты знаешь» согласуются: *сен* // *-сен*; множественное число: *Сиз, шунчакъы ёл да этип, не мурат булан гелгенсиз?* [Там же, с. 151]. / «Вы, проделав такой путь, с какой целью пришли?»; сказуемое *гелгенсиз* «пришли» согласуется с подлежащим *сиз* «вы»: *сиз* // *-сиз*.

Согласование в третьем лице: единственное число: *Абдулмуслим ари таба, терек тюнде олтургъан* [1, с. 9]. / «Абдулмуслим сидел чуть поодаль, под деревом»; между подлежащим *Абдулмуслим* и сказуемым *олтургъан* «сидел» существует полное согласование при нулевом аффиксе; то же самое в предложении *Ол прорабгъа биринчи къабатны терезелерин гёрсетди* [Там же, с. 34]. / «Он показал прорабу окна первого этажа», – где подлежащим выступает личное местоимение третьего лица *ол* «он», с которым согласуется сказуемое *гёрсетди* «показал»; множественное число: *Эркеклер буса, башларын да салландырын, пашман кюйде алдына къарап токътагъанлар* [2, с. 158]. / «А мужчины стояли, опустив головы, грустно смотря вперед»; подлежащее *эркеклер* «мужчины» согласуется со сказуемым *токътагъанлар* «стояли» в лице и числе.

Как и во многих тюркских языках, согласование в лице между подлежащим и сказуемым в кумыкском языке обязательно, однако, как отмечено выше, встречаются случаи употребления сказуемого без показателя лица: 1) в фольклорных произведениях: *Сен – бий, мен – бий, атгъа бичен ким салыр?* [6, с. 206]. / «Ты – князь, я – князь, кто даст сено лошади?»; *Сен – бий, мен – бий* – именные предикативные словосочетания-предложения в составе сложного; сказуемые *бий* при подлежащих *сен* «ты», *мен* «я» употреблены в третьем лице с нулевым аффиксом; *Мен дюр, мен дюр, мен дюрмен...* [3, с. 36] / букв. «Я есть, я есть, я есть (я)». В данном предложении в роли сказуемого выступает полупредикатив *дюр* «есть», который соответствует форме третьего лица единственного числа; далее оно принимает аффикс сказуемости первого лица и согласуется с подлежащим в лице и числе; 2) в разговорной речи в ситуациях, обозначающих быструю смену событий или действий: *Мен – айт, о – айт, ишибиз теренге гетди* / букв. «Я скажи, он скажи – дело (наше) зашло глубоко». В этом предложении сказуемые *айт* «скажи» к подлежащим *мен* «я» и *о* «он» употреблены без показателей лица; *Сен къачасан – мен чаба, йыбанабыз экибиз* [9, с. 18] / букв. «Ты убегаешь – я бегаю, веселимся оба (мы)»; во второй части данного сложного предложения главные члены *мен чаба* «я бегаю // догоняю» не согласуются в лице: подлежащее в первом лице, сказуемое – в третьем; между главными членами первой и третьей частей согласование полное, т.е. в лице и числе; 3) в сложных предложениях с союзом *не – не* «или – или»: *Мен айтды – не, сен айтды – не.* / «Я сказал – что, ты сказал – что?». Сказуемое *айтды* «сказал» употреблено в форме третьего лица единственного числа при подлежащих первого и второго лица единственного числа *мен* «я» и *сен* «ты». Однако утверждать, что во всех этих примерах нет согласования сказуемого с подлежащим в лице, неправомерно: оно легко подразумевается. Можно предположить, что данная форма для кумыкского языка является наиболее древней, когда согласования как такового не было.

Для некоторых тюркских языков такие предикативные словосочетания-предложения до сих пор являются нормативными, например, в караимском языке: *мен карай* «я караим», *сен карай* «ты караим» [12, с. 129].

Согласование в числе

В кумыкском языке согласование между подлежащим и сказуемым в числе, в отличие от согласования в лице, проявляется не в полной мере.

Возможность варьирования сказуемого в единственном или во множественном числе при одном и том же подлежащем Н. К. Дмитриев видит «в некоей теоретической разнице, которая примерно такая же, какая отмечается между двумя русскими выражениями: *пришло десять человек* и *десять человек пришли* [8, с. 171]. В примере *Яшлар йырлады* букв. «Дети спел» // «спели» понятие *яшлар* «дети» понимается коллективно, суммарно; единственное число сказуемого подчеркивает единство действия, т.е. все дети пели как один, вместе, логический акцент лежит на слове *яшлар*. В случае же *Яшлар йырладылар* «Дети спели» логический акцент переходит на сказуемое *йырладылар* «спели», которое становится центром внимания и воспринимается дифференцированно: дети пели не все вместе, а поодиночке, один за другим, т.е. действие, обозначаемое сказуемым, является более конкретным. Однако не во всяком контексте подобное соотношение строго выдерживается: иногда оно превращается в своего рода стилистические дублеты, которые говорящий или пишущий (особенно в поэзии) употребляет более или менее произвольно: *Къумукълар Дагъыстанда яшайлар* (или *яшай*) «Кумыки живут в Дагестане» [Там же]. Аффикс множественности *-лар* носит факультативный характер лишь в тех случаях, когда речь идет о действиях человека. Это хорошо видно при одновременном употреблении однородных сказуемых при одном подлежащем, когда одно сказуемое оформлено аффиксом множественности, а другое – без аффикса множественности: *Муаллим класгъа гиргендокъ, яшлар тына, тербенмейлер* [2, с. 53]. / «Как только учитель заходит в класс, дети успокаиваются, не двигаются».

Ж. М. Хангишиев отмечает, что «глагол в форме 3-го лица без показателя множественности вносит в структуру предложения оттенок конкретности, а при оформлении аффиксом множественности ситуация получает оттенок большей обобщенности и абстрактности» [14, с. 112]. Примерно такого же мнения придерживается и Н. Э. Гаджихмедов: «3-е лицо, оформленное показателем множественности, репрезентирует семему распределенности обозначаемых личной формой действий между участниками ситуации, тогда как в подобных ситуациях неоформленное 3-е лицо представляет действия участников ситуации как единый процесс» [5, с. 182].

Рассмотрим примеры:

1) подлежащее обозначает одушевленный предмет (только человека и связанное с ним понятие) и стоит во множественном числе – сказуемое употребляется как в единственном числе – *Адамлар гелди* / букв. «Люди пришел» // «пришли», – так и во множественном числе – *Адамлар гелдилер* «Люди пришли»; 2) подлежащее стоит во множественном числе и обозначает: а) неодушевленный предмет или животных – сказуемое обычно ставится в единственном числе: *Авлакъ ишлер башланды* [2, с. 47] / букв. «Начался поле работы» // «Начались полевые работы»; *Къой сиривлер тав бетлеге яйылып башлады* [15, с. 8] / букв. «Отары пасется на склонах гор» // «пасутся»; это же условие распространяется и на однородные подлежащие: *Тон да, бёрк де, къолгъап да юрюк тура авлакда* [4, с. 98]; б) если сказуемое предложения именное или составное именное, независимо от категории одушевленности-неодушевленности сказуемое употребляется только во множественном числе: *Отарлар бизге заманлыкъгъа тарыкъ затлар* [1, с. 65]. / «Хутора нам нужны на время»; *Атлар – бек гъакъыллы гъайванлар* [Там же]. / «Лошади – очень умные животные»; 3) подлежащее является составным, обозначающим одушевленные предметы, – сказуемое ставится во множественном числе, при этом грамматическое лицо зависит от сочетания компонентов подлежащего: а) в составе подлежащего среди других лиц имеется первое лицо (независимо от порядка расположения) – сказуемое ставится в первом лице: *Сен де, мен де бир-биревге ошайбыз* [10, с. 10]. / «И ты, и я похожи друг на друга»; б) подлежащее включает второе и третье лицо (как в единственном, так и во множественном числе) – сказуемое ставится во втором лице множественного числа: *Сен де, о да тансала эртен гелерсиз* [15, с. 14]. / «И ты, и он придете завтра»; в) подлежащее выражено сочетанием одушевленных (человека и животных) предметов (как в единственном, так и во множественном числе или их сочетанием) – сказуемое обычно употребляется в единственном числе: *Къойчулар да, къойлар да, янгурдан къачып, анакъгъа сыйынган* [Там же, с. 23] / букв. «Чабаны и овцы от дождя укрылись в пещере» // «укрылись»; *Туварчы да, сыйырлар да гечивден таба сувну ари ягъасына чыкъды* [Там же] / букв. «И пастух, и коровы через брод перешел на другой берег реки» // «перешли».

Как видно из примеров, в кумыкском языке согласование сказуемого с подлежащим в числе зависит не только от числа подлежащего, но и от его структурного состава, категории одушевленности-неодушевленности, порядка слов в предложении и контекста.

Таким образом, как отмечает Н. З. Гаджиева, «согласование в лице в тюркских языках (*В том числе и в кумыкском – А. С.*) проводится довольно последовательно, и есть основание полагать о его относительно ранней хронологии. Что же касается категории числа, то она проявляется не в полной мере и возникла исторически позже категории лица» [7, с. 201].

Список литературы

1. Абуков К. Гъали де давда йимик. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 152 с.
2. Абуков М. Бугюнню тангаласы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. 280 с.
3. Аджиев А. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала: Дагъыстан китап басмаханасы, 2002. 462 с.
4. Бейбулатова У. И. Чечеген ёммакълар, киритлемелер, айгъвлар. Махачкала: Новый дом, 2000. 232 с.
5. Гаджихмедов Н. Э. Категория числа в парадигме современной лингвистики. Махачкала: Издательство Дагестанского гос. ун-та, 2008. 244 с.

6. Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Махачкала: Лотос, 2015. 304 с.
7. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 408 с.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 205 с.
9. Ибрагимов И. Дагъыстан намус. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. 304 с.
10. Ёырчы Къазакъ. Заман гелир. Магъачкъала: Новый день, 2001. 288 с.
11. Керимов И. А. Простое предложение // Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. С. 452-495.
12. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка. М.: *Academia*, 2003. 347 с.
13. Саидов А. М. Жумлада сёзлени байлаву, гезиги ва маъна аралыкълар // Изучение родных языков: реалии и перспективы в условиях введения федерального образовательного стандарта. Махачкала: Изд-во НИИ педагогики, 2013. С. 82-86.
14. Хангишиев Ж. М. Къумукъ тил. Морфология. Махачкала: Изд-во Дагестанского гос. ун-та, 1995. 232 с.
15. Хангишиев М. Къанлы булакъ. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 248 с.

PECULIARITIES OF THE PREDICATE AND THE SUBJECT COORDINATION IN THE KUMYK LANGUAGE

Saidov Abdulkерim Magomedovich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
*Institute of Language, Literature and Art named after G. Cadasa
of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
abdul_1950@mail.ru.*

The paper analyzes specific peculiarities of the predicate and the subject coordination in the Kumyk language that cause some difficulties in choosing forms of the predicate person and number in speech and writing. The author, basing on examples from literary works, folklore and observations on facts of speech, covers all the cases of the predicate and the subject coordination, specifies possible variations of their parallel use focusing on the semantic aspect.

Key words and phrases: Kumyk language; predicate; subject; predicative phrase; coordination; number; person.

УДК 81'42

Цель статьи заключается в определении и характеристике самоподобия учебно-педагогического дискурса. Самоподобие выявляется путем выделения симметричных и асимметричных участков текстов автора учебника и участников коммуникативной ситуации на уроке – преподавателя и учащихся – с помощью определения мест концентрации повторов как текстообразующих факторов. Повторы определяют структурность и подобие учебного текста – системообразующей единицы дискурса, самоподобие которой является показателем повышения вероятности адекватного восприятия учебного текста.

Ключевые слова и фразы: учебно-педагогический дискурс; учебный текст; самоподобие; симметрия; повтор.

Самкова Мария Андреевна, к. филол. н.
*Челябинский государственный университет
degi_@mail.ru*

ИНВАРИАНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОПОДОБНОЙ СТРУКТУРЫ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Настоящая статья отражает результаты исследования, проводимого в рамках лингвосинергетического подхода, который дает основания для выявления самоподобной структуры учебно-педагогического дискурса. В данном исследовании мы избрали текстоцентрический подход к дискурсу [5].

На материале текстов разной жанровой принадлежности мы изучаем организацию учебно-педагогического дискурса, формообразование текста как способ оптимизации учебного процесса, который использует преподаватель с целью создания условий адекватного восприятия текстов учащимися.

Методологической базой данной работы выступают проводимые Г. Г. Москальчук и ее последователями исследования структурной организации текста на основе метро-ритмической матрицы, отражающей текстовую организацию [4; 7]. Изучение явлений подобия учебного текста и учебно-педагогического дискурса проводится на основе текстосимметрии [4], которая помогает локализовать и описать нелинейные процессы организации учебного текста как результата самоорганизации учебно-педагогического дискурса.

Учебно-педагогический дискурс является «сложной системой целостно организованного единства речемыслительной динамической деятельности автора учебника, преподавателя и учащихся, взаимодействующих посредством учебных текстов, дискурсивно реализуемых в целостной коммуникативной ситуации на уроке, погруженного в сферу организованного обучения общению на иностранном языке в образовательной среде языковых курсов, школы и вуза» [8, с. 10].

Положенный в основу обучения текст предопределяет подобие дискурса. Сначала преподаватель воспроизводит, а учащиеся воспринимают внутреннюю форму и структуру текста, зафиксированного в учебнике, далее участники коммуникативного процесса анализируют отдельные единицы, интерпретируют текст и порождают собственный, опираясь на систему тема-рематических блоков первичного текста.